

УДК 94(47).083

Особенности надзора за политическими ссыльными в Иркутской губернии в период с 1880 по 1905 гг.

А.А. Савилов

Иркутский государственный университет, ул. Чкалова 2, Иркутск, Россия

aleks-savilov@yandex.ru

Статья поступила 18.06.2017, принята 21.07.2017

Статья посвящена вопросам реализации полицейского надзора за политическими ссыльными в Иркутской губернии в период с 1880 по 1905 гг. На основании конкретных фактических примеров показано осуществление таких составляющих полицейского надзора, как контроль за безотлучным пребыванием поднадзорного по месту жительства и досмотр корреспонденции. Автор приходит к выводу, что по ряду причин в исследуемый период система полицейского надзора за политическими ссыльными в Иркутской губернии была малоэффективной.

Ключевые слова: Иркутская губерния; политическая ссылка; полицейский надзор.

Peculiarities of supervision over political exiles in the Irkutsk province in the period from 1880 to 1905

A.A. Savilov

Irkutsk State University; 2, Chkalov St., Irkutsk, Russia

aleks-savilov@yandex.ru

Received 18.06.2017, accepted 21.07.2017

The article is devoted to the issues of realization of police supervision of political exiles in Irkutsk province in the period from 1880 to 1905. The implementation of such components of police supervision as control over the permanent stay of the person under supervision in the place of residence and the examination of correspondence is shown and supported by concrete factual examples. The author comes to the conclusion that for a number of reasons during the period under review the system of police supervision of political exiles in Irkutsk province was ineffective.

Key words: Irkutsk province; political exile; police supervision.

Полицейский надзор на протяжении всего периода сибирской политической ссылки являлся необходимым средством достижения задач данного вида наказания. Сущность полицейского надзора за политическими ссыльными заключалась в наблюдении чинов исполнительных органов надзора за соблюдением политическими ссыльными наложенных на них законодательством запретов и ограничений в местах отбывания наказания.

Ввиду ряда обстоятельств осуществление отдельных составляющих полицейского

надзора за политическими ссыльными на территории Иркутской губернии встречало ряд затруднений, негативно сказавшихся на достижении главной цели гласного полицейского надзора, заключавшейся в предупреждении совершения государственных преступлений.

Цель настоящей статьи: на основании имеющегося фактического материала рассмотреть некоторые особенности политической ссылки в Иркутской губернии периода 1880–1905 гг. и сделать вывод об их влиянии на эффективность отдельных составляющих

гласного полицейского надзора за политическими ссыльными.

К началу 1880-х гг. система полицейского надзора за политическими ссыльными в Иркутской губернии прошла длительный путь становления и развития, сложились ее основные элементы: прием и проверка партий ссыльных, распределение, учет и контроль их места жительства и передвижения внутри региона, досмотр корреспонденции, сбор сведений о поведении ссыльных и ведение отчетной документации.

В исследуемый период всех политических ссыльных Иркутской губернии можно разделить на две категории: высланные судебным порядком и административно-ссыльные. Одной из отличительных особенностей политической ссылки 1880–1905 гг. стало значительное увеличение числа административно-высланных по политическим мотивам. Уже к концу 1870-х гг. их доля относительно общего количества политических ссыльных в регионе начинает преобладать [1].

С принятием 14 августа 1881 г. Положения об охране государственного порядка и общественного спокойствия были существенно расширены основания для административной высылки лиц, «неблагонадежных» в политическом отношении. С этого момента роль административной ссылки в охранительной и карательной политике самодержавия существенно возросла. По данным Н.А. Троицкого, только в период с 1 июля 1881 г. по 31 декабря 1887 г. из 3 046 обвиняемых по политическим делам 635 чел. были высланы в Сибирь административным порядком [2, с. 357].

Правовое положение представителей разных категорий политической ссылки значительно отличалось. Это было обусловлено тем, что административная ссылка не являлась уголовным наказанием, а была, прежде всего, мерой превентивной и заключалась во временном удалении лица из места жительства на окраины империи с наложением некоторых ограничений на передвижение, выбор занятий, получение и отправку корреспонденции.

За высланными в Сибирь по судебным приговорам государственными преступниками и административно-ссыльными по политическим мотивам в местах отбывания наказания устанавливался гласный надзор полиции. Одной из главных составляющих полицейского надзора за политическими ссыльными являлся контроль корреспонденции как важнейшего источника информации для исполнительных органов полицейского надзора. Переписка была практически единственным средством связи с Европейской Россией для многих ссыльных, а для тех из них, кто не оставил революционных идей и взглядов, — средством общения с товарищами по антиправительственному движению. Тем самым контроль над перепиской давал исполнительным органам надзора важные сведения о благонадежности ссыльных и их политических взглядах, отсюда и особое внимание к этому вопросу в законодательстве о политической ссылке.

Правила получения и отправления писем для ссыльных разных категорий различались. Для высланных по суду государственных преступников порядок получения и отправления писем сложился еще в 1870-х гг. Вся переписка политических ссыльных производилась с ведома ближайшего полицейского начальства. Все письма и депеши, следовавшие сосланным на житье и поселение, задерживались почтовыми конторами и телеграфными станциями и направлялись для рассмотрения чинам полиции. Письма «предосудительного» содержания задерживались и направлялись для окончательного решения губернатору. Вся отправляемая ссыльными корреспонденция также доставлялась для просмотра ближайшему полицейскому начальству. Обязательному просмотру подлежали книги, газеты и журналы [3, с. 180, 181].

Политическим каторжанам вообще запрещалось отправлять письма кому-либо. Вся следовавшая на их имя корреспонденция направлялась почтовыми конторами напрямую губернатору для просмотра. Значительные ограничения были введены на

предмет получения политическими ссыльными денежных средств и посылок [3].

Следует отметить, что подлежала досмотру корреспонденция не всех ссыльных государственных преступников, а лишь тех из них, в отношении которых полицейское начальство признавало это необходимым.

Для административно-ссыльных правила получения и отправки писем были иными. Представители указанной категории политических ссыльных в соответствии с законодательством свободно получали и отправляли корреспонденцию. Она подлежала досмотру, если министром внутренних дел давалось на то распоряжение. В этом случае Департамент полиции направлял губернскому начальству список лиц, контроль над корреспонденцией которых был разрешен. Такие списки губернская администрация направляла почтовым и телеграфным конторам. В дальнейшем все письма и депеши, следовавшие на имя таких лиц, задерживались служащими почтового ведомства и направлялись в губернском городе — начальнику губернского жандармского управления (ГЖУ), в окружных и уездных городах — исправнику, который в случае «предсудительного содержания» отсылал отправления начальнику ГЖУ. Вся переписка таких лиц также отдавалась на просмотр полицейскому начальству [4, с. 116, 117].

Таким образом, переписка административно-ссыльных по политическим мотивам подлежала досмотру, если в каждом отдельном случае министром внутренних дел налагался на это запрет. Досмотр как получаемой, так и отправляемой корреспонденции в жандармском управлении либо чинами общей полиции являлся последствием такого запрета. Нельзя не отметить и тот факт, что получение периодических изданий и иной печатной продукции, а также денежных средств и посылок для административно-ссыльных на законодательном уровне никак не регулировалось.

Такое положение вещей на практике приводило к тому, что, проживая в непосредственной близости от политических ссыльных, отправленных в Сибирь в судебном порядке,

административно-ссыльные могли беспрепятственно отправлять и получать на свое имя корреспонденцию ссыльных иных категорий.

Описанную ситуацию хорошо иллюстрирует донесение Верхотенского окружного исправника Иркутскому губернатору 2 августа 1887 г.: «Вся корреспонденция от государственных преступников должна проходить через руки Исправника, подвергаясь контролю.

Но от такого надзора освобождены государственные преступники, сосланные административным порядком. Последних в городе Верхотенске находится значительное количество, и они, пользуясь общим столом и нередко живя на одной квартире с государственными преступниками, корреспонденция которых должна подвергаться контролю, имеют с этими последними постоянное общение и находятся с ними в самых близких и дружественных отношениях, составляя как бы одну общую семью.

Кроме того, за некоторыми преступниками последовали в ссылку добровольно их жены, ничем не ограниченные в своих правах. Эти последние бесконтрольно получают свою корреспонденцию и нередко на получение таковой выдают частные доверенности государственным преступникам.

Результатом такого порядка вещей может явиться, да, вероятно, и является то обстоятельство, что преступники получают бесконтрольно корреспонденцию от своих товарищей — административно-ссыльных и через жен... Известно, что они пользуются всяким случаем для тайного получения своих писем.

Вследствие всего вышеизложенного нет никакой возможности правильно следить за корреспонденцией» [5].

Как видим, на практике возложенные законодателем запреты на получение и отправление корреспонденции высланными судебным порядком государственными преступниками легко обходились. Фактически, чины полицейского аппарата были лишены реальной возможности исполнять обязанности в части досмотра корреспонденции политических ссыльных. Основной причиной

этому глава полиции Верхоленского округа называет проживание административно-высланных по политическим мотивам в непосредственной близости с другой категорией политических ссыльных.

То обстоятельство, что корреспонденция административно-ссыльных проходила проверку полицейских служб лишь с дозволения министра внутренних дел, на практике нередко лишало местных полицейских чинов возможности получения достоверных сведений о благонадежности поднадзорных. Например, Верхоленский окружной исправник 16 декабря 1888 г. доносил, что находившаяся в Верхоленске административно-ссыльная Анастасия Похитонова «очень часто получала с почты деньги ... и нередко меняла у торгующих в Верхоленске лиц сто-рублевые кредитные билеты; прожить эти деньги Похитонова при своей скромной в денежном отношении жизни положительно не могла, а отсюда можно заключить, что Похитонова помогала товарищам по ссылке; уличить же Похитонову в этом не представлялось возможным, потому что корреспонденция ее не подконтрольна» [6].

Таким образом, ограничение в получении денежных средств политическими ссыльными также на практике могло зачастую не действовать ввиду указанных выше причин.

Другой характерной чертой политической ссылки исследуемого периода являлось постоянное перемещение поднадзорных внутри региона. Многие политические ссыльные подавали прошение о переводе их на жительство в другие населенные пункты по разного рода причинам: состояние здоровья, приискание средств к заработку и пр., что приводило к увеличению численности политических ссыльных в наиболее благоприятных для жительство населенных пунктах. Такая концентрация значительного числа политических ссыльных разных категорий в отдельных районах и городах губернии в исследуемый период неоднократно являлась предметом особого внимания губернской администрации. Особенно это касалось губернского города Иркутска и его округа.

Еще в 1878 г. ввиду значительного скопления в городе разных категорий ссыльных генерал-губернатор распорядился, чтобы в дальнейшем ни в Иркутске, ни в его округе не делалось причислений в мещанские и сельские общества как уголовных, так и политических ссыльных [3, с. 172].

Несмотря на принимавшиеся меры по снижению численности ссыльного контингента в Иркутске, уже в следующее десятилетие эта проблема вновь привлекает внимание исполнительных органов надзора. Увеличение численности политических ссыльных в Иркутске было связано еще и с тем, что в город постоянно прибывали политические ссыльные, окончившие срок гласного надзора полиции, но по каким-либо причинам не пожелавшие или не успевшие выехать в Европейскую Россию. На это обстоятельство указывает в своем рапорте генерал-губернатору Восточной Сибири начальник Иркутского ГЖУ 30 октября 1887 г.: «В последнее время начало увеличиваться в Иркутске число лиц, состоящих под надзором полиции за государственные преступления, надзор за которыми при местных условиях весьма затруднителен; если же принять во внимание, что здесь проживает весьма много бывших преступников этого рода, несколько не отрешившихся от прежних своих убеждений, но ускользающих во все от надзора в силу освобождения от оною или таких, которые прибыли по окончании срока надзора из других мест и потому неизвестны полиции, — то скопление в городе лиц с вредным политическим направлением оказывается весьма значительным» [7].

Как видим, скопление ссыльного контингента в столице Иркутской губернии неоднократно обращало на себя внимание исполнительных органов надзора и губернских властей в 1870–80-е гг., однако попытки ограничить приток ссыльных в Иркутск не принесли желаемого результата. Уже в 1890-х гг. концентрация в Иркутске значительного числа политических ссыльных стала причиной обращения местных властей в Петербург. При этом губернская администрация указывала на особые условия столицы Ир-

кутской губернии в части сложностей, связанных с осуществлением надзора за ссыльными, а потому обращала внимание на нежелательность водворения в нем сосланных за государственные преступления и отбывших сроки гласного надзора. Решение Министерства внутренних дел последовало 10 сентября 1898 г. Его суть сводилась к тому, что город Иркутск и его округ будут включены в число ограничений [8].

Тем не менее, в начале 1900-х гг. вопрос концентрации политических ссыльных в Иркутске оставался нерешенным. Одной из причин тому стало общее социально-экономическое и индустриальное развитие страны и региона, и в частности, строительство Транссибирской железнодорожной магистрали.

Хорошее денежное довольствие, которое получали железнодорожные рабочие, давало многим «политикам» возможность лучше обустроиться в суровом сибирском крае и тем самым облегчить отбывание наказания. По этим причинам получить разрешение на жительство в Иркутске старались не только политические ссыльные из отдаленных округов губернии, но и административно-ссыльные из соседнего Забайкалья. Указанные обстоятельства не могли не привлечь внимание губернской администрации, и 22 декабря 1901 г. Иркутский губернатор в своем ходатайстве Иркутскому военному генерал-губернатору просил «о прекращении доступа в Иркутскую губернию причисленным вне ее административно-ссыльным» [9].

Существенно препятствовало разрешению вопроса то обстоятельство, что избрание места причисления для административно-ссыльных в отдельных случаях осуществлялось Департаментом полиции. На такое положение вещей обратил свое внимание Иркутский губернатор, приводя конкретные фамилии: «2 ноября 1900 г. Департамент разрешил перейти в Иркутск на жительство поднадзорной Марии Лавтовой, а затем 17 января 1901 г. оставил на жительство в Иркутске Владимира Новодворского, предназначенного Иркутским генерал-

губернатором к водворению в Якутской области» [10].

Из данного примера можно заключить, что одной из причин слабой организации надзора являлась разобщенность действий властных структур на разных уровнях.

К 1905 г. по-прежнему не было порядка в деле назначения места жительства и разрешения переводов на жительство в отдельные местности губернии. Например, 6 июня 1905 г. помощник начальника Иркутского ГЖУ в Киренском и Верхотенском уездах доносил начальнику ГЖУ: «В настоящее время в городе Киренске проживает 19 человек политических ссыльных; половина из них переведена из уезда в самое последнее время; переводы эти разрешаются губернской властью беспрепятственно, по первому заявлению просителей; выставляемые поднадзорными к переводу причины не заслуживают уважения, по большей части фиктивны. Имеются в виду новые аналогичные ходатайства.

Подобная концентрация в городе была бы нежелательна ввиду возможности вредного влияния на многочисленный судоробочий пролетариат» [11].

Данный пример наглядно показывает несогласованность действий различных властных структур губернии: губернской администрации и полицейского аппарата, а также говорит о том, что к концу исследуемого периода законодателем не был должным образом урегулирован вопрос о разграничении полномочий между различными ведомствами, осуществлявшими надзор за политическими ссыльными. Последнее обстоятельство, на наш взгляд, говорит о слабом внимании законодателя к совершенствованию правовой базы полицейского надзора, ведь столь длительный период действия системы полицейского надзора в Сибири показал существовавшие в ней недостатки, а это должно было привести к последующему их устранению, которого к 1905 г. так и не последовало.

Подведем некоторые итоги. Практическая реализация полицейского надзора за политическими ссыльными в Иркутской гу-

бернии в период с 1880 по 1905 гг. встречала ряд существенных затруднений. На наш взгляд, это было обусловлено совокупностью факторов, среди которых можно выделить возрастание числа административно-ссыльных, несовершенство правовой базы полицейского надзора, слабый контроль за передвижением ссыльных внутри региона, разобщенность в действиях исполнительных органов надзора на разных уровнях. Указанные факторы приводили к сосредоточению значительного числа политических ссыльных разных категорий в отдельных населенных пунктах и округах губернии, давали возможность установить тесные взаимоотношения между сосланными по суду государственными преступниками и административно-ссыльными. Последнее обстоятельство приводило к тому, что многочисленные запреты и ограничения законодательства на практике ссыльными не соблюдались, а чины полицейского аппарата фактически были лишены возможности исполнения обязанностей по надзору.

Указанные факты говорят о том, что в период с 1880 по 1905 гг. система полицейского надзора за политическими ссыльными в Иркутской губернии была малоэффективной, и отдельные ее составляющие зачастую не реализовывались.

Литература

1. Иванов А.А., Мясников Д.А. Структура и численность политической ссылки Иркутской губернии 1870-х годов [Электронный ресурс] // *Baikal Research Journal*. 2016. Т. 7, № 4. URL.: <http://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=20854> (дата обращения: 25.07.2017).
2. Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983. 422 с.
3. Иванов А.А. Система полицейского надзора за политическими ссыльными на территории Иркутской губернии в 1860-1870-х гг.: проблемы становления // *Сибирская ссылка: сб. науч. ст.* Иркутск, 2017. Вып. 8 (20). С. 160-185.
4. Савилов А.А. Законодательство о гласном полицейском надзоре 1880-х годов и проблемы его применения к политическим ссыльным Иркутской губернии в начале XX века // *Сибирская ссылка: сб. науч. ст.* Иркутск, 2017. Вып. 8 (20). С. 104-121.
5. Донесение Верхотенского окружного исправника Иркутскому губернатору // ГАИО (Гос. арх. Иркутской обл.). Ф. 32. Оп. ОЦ. Д. 16. Л. 257-257 об.
6. Донесение Верхотенского окружного исправника // ГАИО (Гос. арх. Иркутской обл.). Ф. 32. Оп. ОЦ. Д. 231. Л. 5 об.
7. Рапорт начальника Иркутского губернского жандармского управления Иркутскому генерал-губернатору // ГАИО. Ф. 25. Оп. ОЦ. Д. 5. Л. 1а.
8. Обращение Иркутского губернатора к Иркутскому военному генерал-губернатору // ГАИО. Ф. 25. Оп. ОЦ. Д. 184. Л. 54 об. – 55.
9. Представление Иркутского губернатора Иркутскому военному генерал-губернатору // ГАИО. Ф. 25. Оп. ОЦ. Д. 184. Л. 37.
10. Уведомление Министерством внутренних дел Иркутского генерал-губернатора // ГАИО. Ф. 25. Оп. ОЦ. Д. 184. Л. 55.
11. Донесение помощника начальника Иркутского губернского жандармского управления в Киренском и Верхотенском уездах в Иркутское губернное жандармское управление // ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 44. Л. 148.